

Николай Добролюбов

**«Слухи». Газета литературная,
анекдотическая и только
отчасти политическая**

Николай Добролюбов

**«Слухи». Газета литературная,
анекдотическая и только
отчасти политическая**

«Public Domain»

1855

Добролюбов Н. А.

«Слухи». Газета литературная, анекдотическая и только отчасти политическая / Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1855

В «Слухах» Добролюбов использовал материалы из своей тетради дневникового характера – «Закулисные тайны русской литературы и жизни». Добролюбов пользовался и нелегальными печатными источниками – произведениями лондонской типографии Герцена. В некоторых случаях до сих пор остаются невыясненными его способы узнавания фактов. Например, ответ Пушкина великому князю Михаилу Павловичу, записанный поэтом в дневнике (опубликован лишь в 1880 году!), был знаком только самым близким к Пушкину людям и П. В. Анненкову, работавшему в архиве поэта; но в 1855 году Добролюбов не был знаком ни с кем, кто хотя бы косвенно был связан с этими кругами.

Содержание

№ 1, сентября 1, 1855	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Николай Александрович Добролюбов

«Слухи». Газета литературная, анекдотическая и только отчасти политическая

*Слухом земля полнится.
Народная пословица*

№ 1, сентября 1, 1855

В наш просвещенный век уже не подвержена ни малейшему сомнению великая польза устных сказаний и современных заметок в многообразных отраслях наук исторических. Теперь во всех концах России ревностно занимаются разработкою исторических материалов, беспрестанно издаются в свет вновь отысканные древние памятники; первоклассные русские ученые посвящают им полезные труды свои; появляются превосходные монографии об отдельных фактах, личностях, даже годах, замечательных в нашей истории. Но, к сожалению, наука русская все еще мертва, неполна, некрепка. Наши исторические познания до сих пор темны и сбивчивы. Это явление, очевидное для всякого и кажущееся несколько странным, объясняется, однако, очень просто. Наука в России имеет дело только с официальными фактами, только с тем, что заносится в акты, что определяется весом и мерою, годом и днем. Оттого-то она и знает только то, что в таком-то часу, такого-то числа загорелся в таком-то квартале такой-то дом и сгорел... А кто там жил, что потерпел от пожара, какое влияние имело бедствие на судьбу его, что он спас и что потерял, куда потом переехал и пр., – это вещь совершенно посторонняя для исторической полиции. Да и негде разыскать все это... Разве остановиться на улице и послушать, что толкуют в народе... Но об этом никто и не думает, по крайней мере не думал до сих пор... А между тем здесь-то и материал для историка. Так называемое общественное мнение не есть ли выражение духа, направления и понятий народных в ту или другую эпоху? А ведь оно не записывается, потому что пишут только вещи неизвестные и интересные. А кто же станет писать или даже читать то, что всякий знает и всякий сам высказывает? Оттого-то, если твердят нам каждый день в газетах, что Севастополь взять невозможно, что русский народ отличается религиозностью и преданностью к царям, что Николай Павлович покровительствовал просвещению, а Фаддей Венедиктович есть страж чистоты русского языка, – то, наверное, это вещи весьма и весьма сомнительные... Не пишет же ведь никто трактатов о том, что человек имеет на руках по пяти пальцев, что Павел Петрович задушен и что Клейнмихель мошенник, – не пишут оттого, что трудно найти человека, которому бы эти истины были новостью. Оттого-то и слухи так же быстро исчезают, как и появляются. Говорят о предмете до тех пор, пока полагают, что не все еще знают о нем... Как скоро известие облетит всех, его тотчас оставляют и забывают. Таким образом, каждый день являются новые вести, сплетни, мнения, задачи, решения, вопросы и ответы, словом – *слухи*, и каждый день они исчезают и заменяются другими, так что и записать их не успеют... А между тем сколько резких, живых, характеристических черт в этих эфемерных разговорах! Это не мертвые числа и буквы, не архивная справка, не надгробная надпись умершему, – нет, это сама жизнь с ее волнениями, страданиями, наслаждениями, разочарованиями, обманами, страстями, – во всей красоте и истине. Неделя этой жизни научит вас больше, нежели семь томов мертвой статистики. Десяток живых современных черт объяснят историку целый период гораздо лучше, нежели двадцатилетние

изыскания в архивной пыли, где он найдет только блестящие реплики о темных делах, указы, которые никогда не исполнялись, да следствия, в которых невозможно отыскать причины... Человек – не машина для письма; жизнь его не в канцелярских бумагах, на которые так сильно сбивается у нас и история и литература. Конечно, из русского народа не сформировался еще полный человеческий тип, но все-таки нельзя же отвергнуть того, что он формируется хоть понемножку, хоть незаметно, а формируется... И тем интереснее должно быть для нас следить за его начинающимся развитием, тем поучительнее послушать, как он рассуждает, как понимает дела – не в учено-литературной канцелярии, где он переписывает чужую резолюцию, а в частной жизни – дома, в гостях, в театре, в церкви, на улице, на рынке – везде, где только может он выразить свое личное настроение и понимание. Чем более подслушаем мы таких откровенных рассуждений, рассказов, отдельных мыслей и впечатлений, тем яснее нам будет истинный дух народа, тем понятнее будут его стремления, его чувства, тем полнее и осязательнее представится нам картина народной жизни. Что за беда, что все эти мысли будут нам известны и, следовательно, скучны, каждая порознь: зато значительное их собрание, ensemble их, может впоследствии повести к соображениям, которые без того не пришли бы нам в голову, может обратить наш взгляд на такую точку, которой бы мы совсем и не заметили. Не всемирно-историческую важность имеет то обстоятельство, что один человек умер в судорогах, и другой тоже, и третий тоже; а собрали сотни и тысячи подобных фактов, так и увидели, что это – cholera morbus¹. Может быть, и собранные нами слухи приведут умного человека к открытию какой-нибудь хронической болезни в русском народе; может быть, и позднейший врач заглянет в нашу газету, в которой должна отразиться современная нам эпоха с внутренней ее стороны. Не будем же слишком эгоистичны, не будем отвергать наших слухов только потому, что они нам уже известны. Поделимся с другими своим знанием, сохраним для потомства наши мысли: пусть оно увидит, что мы жили или по крайней мере хотели жить. Может быть, мы внесем сюда ложные слухи; может быть, займемся ничтожным, опустив важное: но и в этом отразится жизнь. Только машина может работать с неизменной, размеренною правильностью и верностью. На ее стороне преимущество скорости, ровности, выгоды и т. п., но где замешается дело мысли, там живой человек всегда гораздо лучше. За доказательством далеко ходить нечего: сравните громады русского войска с армиями союзников... На чьей стороне будет перевес?

Вот убеждения, которые привели нас к мысли собирать все современные слухи, не заботясь об их исторической достоверности, и заносить их на страницы нашей газеты. Надеемся, что все, истинно любящие свое отечество, не откажут нам в содействии и поощрении. Дело, которое мы начинаем, легкое само по себе, становится трудным и даже опасным по своим последствиям. Мы хотим быть беспристрастными, сообщать своим читателям все, что только услышали. А ведь мало ли что говорят... Заочно и про царя говорят, а писать про него еще никто не писал безнаказанно, кроме упомянутых нами автоматов... Притом народ все ведь с самолюбием у нас в России: все хотят сами делать, а другим не позволяют. Сделает человек глупость – и ничего; а только другой начнет говорить о ней – беда! Как смел!.. Уж и этой-то чести не хотят уступить другому! «Это, дескать, моя глупость: я ее сделал и никому не позволю повторять». Запретят еще, пожалуй, нашу газету... Да оно бы хорошо еще, если бы запретили: тогда бы она, как все запрещенное, быстро разошлась во многих тысячах экземпляров... А то – просто из опасения – станут скрывать все от издателей «Слухов» и пускать не будут в порядочные дома... Тогда их плохое дело: материалов не будет, а из ничего не бывает ничего, – дело известное. Выдумывать же слухов мы не намерены, потому что это прямо противоречило бы предположенной нами цели...

---

¹ холера (лат.). – Ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания